

DOI 10.69571/SSPU.2024.89.2.004

УДК 316.344.4:378.12

ББК 60.543.132.1

Д.Ю. НАРХОВ

**ВУЗОВСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ОБЩНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КАРКАС
ИССЛЕДОВАНИЯ**

D. YU. NARKHOV

**UNIVERSITY EDUCATIONAL COMMUNITIES:
THE THEORETICAL FRAMEWORK
OF THE STUDY**

Обращение к теоретическим основаниям изучения основных вузовских образовательных общностей связано с необходимостью поиска способа решения проблем разрозненности вузовских образовательных общностей в сфере научной деятельности. Необходимость изучения взаимодействия вузовских образовательных общностей определила цель статьи — анализ теоретического каркаса изучения вузовских образовательных общностей и основной метод — анализ теорий среднего уровня, описывающих функционирование вузовских образовательных общностей, организации их научной деятельности, исследовательских практик и способов взаимодействия в научном пространстве. На этом основании предлагаются интерпретации ключевых терминов концепции оптимального взаимодействия вузовских образовательных общностей в университетском научном пространстве: научного капитала, научно-образовательной деятельности, общностей научно-педагогических работников, студенчества, административно-управленческих работников. Делается вывод о необходимости их дальнейшего изучения с позиций их действия и взаимодействия как самостоятельной научной задачи.

Turning to the theoretical foundations of studying the main university educational communities is associated with the need to find a way to solve the problems of fragmentation of university educational communities in the field of scientific activity. The need to study the interaction of university educational communities was determined by the purpose of the article — the analysis of the theoretical framework for the study of university educational communities and the main method — the analysis of middle-level theories that describe the functioning of university educational communities, the organization of their scientific activities, research practices and methods of interaction in the scientific space. On this basis, interpretations of the key terms of the concept of optimal interaction between university educational communities in the university scientific space are proposed: scientific capital, scientific and educational activities, communities of scientific and pedagogical workers, students, administrative and managerial workers. The conclusion is made about the need for their further study from the standpoint of their action and interaction as an independent scientific task.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вузовская образовательная общность; научный капитал; научно-образовательная деятельность; научно-образовательное знание; общность научно-педагогических работников; студенческая общность; общность административно-управленческих работников; теоретический анализ.

KEYWORDS. university educational community; scientific capital; scientific and educational activities; scientific and educational knowledge; community of scientific and pedagogical workers; student community; community of administrative and managerial workers; theoretical analysis.

ВВЕДЕНИЕ. Социальные общности являются уникальными пространственно-временными структурами, в которых реально живут и взаимодействуют люди. Они, будучи центральным звеном современного общества, являются носителями самых разных общественных процессов — эволюции, трансформаций, революций общественного устройства, обнаруживают на себе их последствия.

На уровне общностей проявляются и функции социальных институтов. Их изучение важно не только с позиций управления большими группами людей, но и для понимания условий и возможностей включения общностей в устойчивое развитие страны, ее регионов и крупных территориальных образований (федеральных округов), поскольку именно общности являются носителями самых разных ресурсов (экономических, политических, культурных, научных, символических и других), создают их, распоряжаются ими и контролируют их.

Изменение модели общественного развития конца XX — начала XXI вв., связанное с формированием общества знания, общества глобальной коммуникации и инноваций, требует обратить внимание исследователей на роль системы высшего профессионального образования и науки в этих процессах.

Необходимость поиска новых ресурсов для развития университетской научной сферы российской высшей школы актуализирована логикой современного реформирования российской науки. Она заключается в смещении «центра тяжести» от академической к университетской науке, «выравнивании» позиций академических институтов и высшей школы в решении ключевых задач устойчивого развития страны.

Этот, пока еще только начавшийся, но не заверченный процесс, заставил обратить внимание на комплексы неравенств и противоречий, сложившихся в системе российской высшей школы и негативно влияющих на состояние и результативность вузовской научно-исследовательской деятельности. В научную деятельность высшей школы более всего включены три вузовские образовательные общности. К таковым автор относит общности научно-педагогических работников (НПР), студенчества и административных и управленческих работников (АУР) и считает их основными.

Новая проблема, требующая своего решения, видится в противоречии между состоянием ресурсного потенциала вузовских образовательных общностей макрорегиона и ограниченными условиями и возможностями реального и потенциального взаимодействия этих общностей для мобилизации их усилий в целях управления ресурсами развития университетской науки в сочетании с необходимостью решения задач устойчивого развития страны на макрорегиональном уровне.

Эта проблема отражается в форме состояния (не)готовности университетской науки и ее центрального актора, общности научно-педагогических работников, к осуществлению функции обеспечения научно-технологического суверенитета и других ключевых задач устойчивого развития страны, ее федеральных округов (макрорегионов) и регионов¹. Ситуация разрозненности вузовских образовательных общностей в сфере научной деятельности ставит вопрос о необходимости изучения их взаимодействия.

Тем самым актуализируется задача определить теоретический каркас исследования вузовских образовательных общностей как специфического ресурса развития науки в высшем образовании макрорегиона. Вторая, не менее важная задача, — предложить интерпретации базовых понятий, позволяющие теоретически зафиксировать эмпирически выявленные феномены и объяснить социальные процессы, происходящие в вузовской науке на уровне крупного территориального объединения, каким является федеральный округ.

ЦЕЛЬ статьи — анализ теоретического каркаса изучения вузовских образовательных общностей.

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения 03.03.2024)

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Значительный разброс проблем, касающихся функционирования вузовских образовательных общностей, организации их научной деятельности, исследовательских практик и способов взаимодействия в научном пространстве, обращает наш исследовательский интерес к широкому спектру теорий, связанных с их изучением. Специфика объектно-предметной области предопределила в качестве ведущих теории, лежащие в основе социологических дисциплин: образования и высшего образования, науки, профессий, образовательных общностей, молодежи и ряда других. Основной метод исследования — анализ теорий и концепций, раскрывающих теоретические характеристики современных образовательных общностей высшей школы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. В социологии сложился комплекс теорий и концепций, раскрывающих функции и виды социальных общностей, специфику их формирования и функционирования, пространственные и временные характеристики. Центральное место занимает теория социальной общности. Другими значимыми в этом комплексе являются теории социальных форм, социального пространства города, концепции социальной структуры, социальной мобильности и социокультурной динамики, социальных систем и структурного функционализма, социальных изменений.

Идея Ф. Тенниса [25] о необходимости достижения значимой цели как обязательного условия возникновения группы (совокупности) является концептуально значимой в отношении групп и общностей, признающих научно-исследовательскую деятельность (и результаты таковой) в качестве ценностного ориентира. Это — городские общности, и их повседневность связана со спецификой жизни урбанизированных территорий, традиции изучения которых заложены Чикагской социологической школой.

Теоретические положения П.А. Сорокина о горизонтальной и вертикальной мобильности [24], социальной и культурной динамике и интегральном типе общества дают нам основания проследить процессы социальной мобильности, происходящие в самих образовательных общностях и между ними в научно-образовательном пространстве высшей школы в едином хронотопе макрорегиона. и обнаружить «точки сближения» разобщенных общностей.

Представляются важным представления Т. Парсонса о стремлении социальной системы к равновесию, сбалансированности частей, сохранению собственной независимости [22]. В качестве такой системы можно рассматривать университет как социальный институт и социальную организацию, а его науку — как подсистему, неразрывно с ним связанную. Базовыми частями этой системы выступают вузовские общности, обладающие уникальным набором функций и ресурсов. В рамках этой теории можно будет выделить функции, подсистемы, институты, действующие в сфере университетской науки.

На важный компонент системы — коммуникации (связи) ее отдельных элементов, — обратил внимание Н. Луман [18]. Эта идея открывает возможность изучения научных коммуникаций системы в целом с окружающей ее средой (по Т. Парсонсу) и в самой системе как замкнутому самодостаточному социальному образованию (по Н. Луману).

В теории Я. Щепаньского социальная связь выступает как центральный общностно-образующий признак. В ней он видел смысл понятия «социальная общность» как термина «с широким объемом», описывающего все устойчивые формы совместной жизни: охватывающие «все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определенная социальная связь» [32, с. 117]. Сопоставление этого понятия с выделяемыми Я. Щепаньским социальными «кругами коллег» или «обучающихся на одном курсе или в одном учебном заведении» [32, с. 122] дает основания для исследования профессиональных и образовательных общностей.

Теория структуризации Э. Гидденса [7] для нашего исследования полезна тем, что она конституирует интересующий нас анализ практик социального участия вузовских общностей в развитии университетской науки. Социальные практики как неперемный элемент

деятельности, приводящей к новым состояниям общества, исследовались П. Штомпкой в рамках теории социальных изменений. Положения этой теории о двух уровнях социальной реальности — индивидуальностей и абстрактных социальных целостностей, к которым он причислял общности; о закономерностях их изменений «в ходе их собственной практики» [31, с. 290] дает основания для конструирования динамических моделей взаимодействия образовательных общностей в социальном поле университетской науки.

Изучение возможностей мобилизации усилий образовательных общностей в интересах управления ресурсами развития университетской науки требует обращения к теориям капитала и ресурсов. Эти теории появились и длительное время развивались как способ объяснения социальной стратификации и место в ней социальных общностей в зависимости от обладания ресурсами (активами, капиталами).

Рассмотрение положений теории капиталов, изложенных в трудах ученых второй половины XX — начала XXI вв. (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Н.Е. Тихонова [5; 7; 28] и др.) позволяет сделать заключение о том, что вузовские образовательные общности являются носителями многих видов капитала (экономический, политический, культурный, символический, административный, социальный, человеческий, личностный и другие). Для нас особо значимо в контексте нашего исследования научного капитала. Этот вид капитала рассматривается нами как система, процесс и правила взаимодействия (взаимоотношений) социальных субъектов в сфере производства (генерации, трансляции и монетизации) научного знания и его производных. Научный капитал базируется на ресурсном потенциале этих общностей и обмене ресурсами на разных уровнях — между индивидами, группами внутри общностей и между последними на уровне отдельного региона, макрорегиона и общества в целом в границах национального государства.

Такова теоретическая канва социальных процессов и явлений, влияющих на характеристики и условия деятельности вузовских образовательных общностей. Для определения их непосредственных теоретических характеристик необходимо обратиться к отечественным теориям социальной общности, научного и образовательного знания.

В отечественной социологии теория социальной общности получила развитие в трудах социологической школы исследования социальных общностей. В дальнейшем мы будем опираться на постулаты теории социальной общности, выделенные в издании [10, с. 175–176], общностнообразующие признаки [10, с. 188] и общее определение образовательной общности [11, с. 26].

Университетское социальное пространство неразрывно связано с концепцией знания. Вузовское профессиональное знание имеет свою особенность. В отличие от начального и специального профессионального оно носит продуктивный характер. Оно основано на тесной связи с наукой и внедрении ее продуктов в образовательный процесс. Научное и образовательное знание составляют ядро деятельности вузовских образовательных общностей и выступают в качестве «цементирующей основы» для их существования и взаимодействия. Однако, в структурах современных вузов часто присутствуют структуры, специализирующиеся на общем и средних уровнях образовательной деятельности. К таким структурам относятся действующие при вузах специализированные лицеи для одаренной молодежи, техникумы, подготовительные факультеты для иностранцев и им подобные. Они не являются объектом нашего исследования, а потому под вузовскими образовательными общностями *следует понимать общности, в разных формах включенные в процессы профессиональной подготовки специалистов высшей квалификации.*

Для таких общностей фундамент социального контекста их существования составляют научное, образовательное (эти два вида знания создаются преимущественно общностью НПП) и научно-образовательное знание как результат взаимодействия общностей студенчества и НПП «в ходе исследования научной (научно-практической) проблемы, поиске путей ее решения и получении научно обоснованного результата» [13, с. 22].

Эти три вида знания детерминируют разные формы и степень их включенности в научно-образовательное пространство высшей школы через соответствующие им виды деятельности. *Под научно-образовательной деятельностью вузовских образовательных общностей мы будем понимать все виды деятельности, связанные с созданием, трансляцией (распространением) и преобразованием научно-образовательного знания.*

Понятия научно-образовательного знания и научно-образовательной деятельности конституируют термин «научно-образовательная общность», введенный в качестве характеристики научно-педагогической общности. Он отражает все специфические черты образовательной общности, но отличается центральной характеристикой — «доминантой научно-образовательной деятельности в их образе жизни» [12, с. 155.] (Курсив авторов. — Д. Н.). Такое видение позволяет во всех исследуемых вузовских общностях выделять и изучать подгруппы студентов, НПП и АУР, вовлеченных в совместные научно-исследовательские практики.

Как и вузовские образовательные общности, научно-образовательные общности имеют объективно-субъективный характер формирования, поскольку участие в научно-образовательной деятельности предполагает потребность в ней, склонности, возможности и ее ресурсную обеспеченность.

Далее обратимся к характеристикам каждой из изучаемых общностей.

Необходимость изучения общности научно-педагогических работников и как социальной, и как профессиональной следует из очевидного факта, что научно-педагогическая деятельность является для ее участников профессиональной. Критерии отнесения общности к профессиональной являются устоявшимися [15, с. 109–120]. Мы полагаем, что изучаемая нами общность НПП соответствует как группе общих содержательных характеристик (единого содержания деятельности; общих представлений об условиях существования профессии, ее целях и средствах; специфических профессиональных интересов), так и специфических для каждой отдельно взятой общности (особенностях профессиональных ресурсов, включенных в социальный потенциал общности; профессиональных ценностях, нормах и стандартах профессионального поведения; профессиональной идентичности; профессиональной солидарности).

Важно, что для этой общности при доминировании в структуре профессиональной деятельности педагогической, научной и воспитательной функций «образовательные практики выступают чаще всего главными и занимают ведущее место в сравнении с научной деятельностью ее членов» [12, с. 155].

Обратим внимание и на отмеченную в этой же работе идентификацию членов общности с главным (одним из главных) субъектом высшего образования. Это позволяет поставить вопрос о содержательном наполнении ведущей роли НПП. Очевидно, что общность НПП является составной частью единой группы профессионалов — «субъектов постиндустриального прорыва» [28] в развитии обществ современного типа. Она входит в состав отраслевых подгрупп с самым высоким уровнем качества человеческого капитала в стране [28, с. 159].

Это означает, что главенствующая позиция НПП в университетском пространстве проявляется не только в генерации и трансляции научно-образовательного знания в вузе, но и в способности через научную деятельность занимать лидирующие позиции в решении задач социального развития как регионального, так и национального масштаба.

Таким образом, опираясь на положения рассмотренных теорий и концепций, а также содержательные характеристики этой группы, мы предлагаем следующее определение. *Общность научно-педагогических работников представляет собой социально-профессиональную общность сотрудников высшей школы, преподавательская и научная деятельность для которых является основными видами профессиональной деятельности. Спецификой этой общности выступают центральное положение в структуре университетского научно-образовательного пространства, неременная включенность*

в производство научного знания и непосредственного внедрения его в образовательный процесс, а также наличие значительного по объему и качеству человеческого капитала, способного выступать как ресурс прорывных задач социального развития как регионального, так и национального масштаба.

Студенчество является одной из наиболее исследованных общностей уже в силу его доступности социологам в качестве объекта исследований.

Начало XXI в. стало своеобразной отправной точкой теоретического осмысления молодежи как специфической социальной общности. Особое место в этой работе принадлежит Вал. А. Лукову и его фундаментальной монографии [17], посвященной междисциплинарному анализу теорий молодежи. В круге детально рассмотренных им множества теорий необходимо выделить две концепции. Во-первых, социального развития молодежи В.И. Чупрова [29], в рамках которой возможно исследование требований общества к научно-исследовательским практикам, условиям, механизмам (инструментам) управления студенчеством в процессе приобщения к таким практикам. Во-вторых, это редко применяющаяся в социологии молодежи концепция самого Вал. А. Лукова [17, с. 317–341] о молодежном тезаурусе, выводящая на понятие тезауруса молодежной и студенческой науки как разновидности компонента конфигурации «ориентационной информации (знаний, установок), которая складывается под воздействием макро— и микросоциальных факторов и обеспечивает ориентацию человека в различных ситуациях и на различных уровнях социальности» [17, с. 318].

Концепции молодежных смыслов [23], саморегуляции и самоорганизации молодежи, предложенные ведущими авторами — В.И. Чупровым и Ю.А. Зубок [14], вполне отвечают и задачам исследования студенчества с позиций его научно-образовательной активности. Представляет интерес концепция трасс (сквозных идей) современного молодежного пространства России [19, с. 89]. Одной из таких идей может быть идея успешности научной карьеры для студенчества и молодежных групп общностей НПП и АУР.

В социологической литературе сохраняется интерес к теоретическим аспектам студенческой общности, характеризующим возможности и практики ее участия в научной деятельности. Это концепции человеческого капитала и образовательной успешности [27], научной культуры современного студенчества [4] и публикационных практик [30].

Анализ обозначенных и ряда других концепций позволил автору сделать вывод о соответствии студенческой общности комплексам преимущественно объективных и преимущественно субъективных признаков (содержательных характеристик), которые могут выступать в качестве фундамента для изучения специфики участия членов общности в научно-исследовательских практиках и их взаимодействия с другими общностями. На этом основании можно предложить следующее определение студенческой общности. Под ней предлагается понимать *эмпирически фиксируемую совокупность (взаимосвязь) людей, объединенных по признаку участия в научно-образовательном процессе высшей школы в качестве обучающихся по программам высшего профессионального образования. Последнее, лежащее на поверхности, свойство определяет характер внутреннего и межобщностного социального взаимодействия. Другим важным свойством студенческой общности является незавершенность общекультурной, научной и профессиональной социализации ее членов как будущих работников интеллектуального труда. Этим она кардинально отличается от двух других рассматриваемых общностей.*

Общность административно-управленческих работников составляют представители руководящего звена, специалисты-администраторы, менеджеры управленческих структур вузов. Эта общность в сравнении с другими вузовскими общностями получила существенно меньшее освещение в теоретическом плане.

Деятельность общности АУР анализировалась в контексте реформирования вузов [16], места и роли руководства в их осуществлении. Университетский менеджерский корпус

исследовался как участник определения стратегических целей вузов и механизмов их достижения [22], в ракурсе концепций управления качеством и эффективности управленческих кадров [8].

Значительное место в изучении управленцев вузов занимает теория управления организацией. В отечественной научной литературе необходимо выделить комплекс работ, осуществляемых на протяжении длительного периода под руководством профессора С.Д. Резника, в которых изучается система и функции управления вузами и их отдельными подсистемами, а управленцы высшего звена рассматриваются как «команда» [26]. Аналогичный подход использован при изучении групп основных руководящих работников — заведующих кафедрами, деканов, проректоров, ректоров, организации их управленческой деятельности, личного и социального пространства. В рамках перечисленных и сходных с ними исследований заложено основное понимание общности АУР как профессиональной и менеджерской.

Концепция самоорганизации университетского менеджмента, использованная С.Д. Резником и И.С. Чемезовым при изучении менеджеров университета [21] на персональном уровне, полезна для нашего исследования тем, что он через экономические термины — *продуктивность, производительность, результативность* выводит понятие эффективности (действенности, полезности) как итогового результата деятельности менеджера [21, с. 247–251] применительно к каждой «из трех основных сфер его профессиональной деятельности: управленческой, научной и педагогической» [21, с. 249]. Предложенная им схема оценки менеджера может быть использована для изучения состояния всей общности АУР: продуктивность соотносится с количественным измерением деятельности, производительность — с ее качеством (достигнутым уровнем), результативность — с признанием, репутацией (т.е. социальным капиталом). Выбранный авторами подход к сферам деятельности вузовских управленцев дает основания изучать их не только как менеджерские, но вместе с тем и научно-образовательные, а «функциональную тройственность» — как специфическую область социальной напряженности в университетском пространстве.

Еще один аспект изучения общности АУР связан с концепцией менеджериализма в университетском социальном пространстве, которая трактуется в виде «организационной теории и функционирования организаций исключительно с точки зрения менеджеров» [Цит. по: 1, с. 38], а университет предстает пространством «тотального менеджмента качества» и реинжиниринга под воздействием требований внешних по отношению к университету агентов (таких, как международные комиссии, попечительские советы и т.п.). Это неизбежно приводит к качественному изменению общности АУР в условиях, когда «роль профессиональной группы менеджеров с широкими экспертными и властными полномочиями только возрастает» [1, с. 40].

Данная концепция противостоит традиционной для университетской среды концепции академической автономии, согласно которой академическая свобода «уравновешивается» академической ответственностью [6, с. 47], а принципы управления университетом основаны на коллегиальности, что предполагает принцип формирования общности АУР на основе академической среды (то есть общности НПП).

Эти два последние направления тесно связаны с концепциями межобщностного конфликта и поиском путей его преодоления. Так, А.Р. Алавердов и Н.В. Громова изучают конфликт общностей НПП и АУР как несовпадение интересов [2].

Работы, в которых общность АУР изучается с позиций теории социальной общности, практически не встречаются. В этой связи необходимо обратить внимание на исследование университетских менеджеров С.Г. Ермолаевой, в котором подчеркивается наличие у этой группы используемых и в нашей работе общностнообразующих признаков. Автор указывает на такие специфические свойства общности, как наличие «управленческой должности, [...] властных полномочий, целей, определяемых выполнением обязанностей и необходимостью достижения результатов эффективности» [9, с. 238].

Наконец, применительно к характеристикам общности АУР необходимо обратиться к концепции университетского управления как особого феномена высшей школы и возможности оценки субъективных сторон управленческих практик в вузах. Такие оценки позволяют вскрыть уровень удовлетворенности университетского сообщества результатами деятельности общности АУР и выявить комплексы проблем [3, с. 106] в научно-образовательном пространстве.

Таким образом, мы можем рассматривать *общность административно-управленческих работников как социально-профессиональную общность работников, осуществляющих руководство и администрирование деятельности вузов в целом или его отдельных структур в качестве основной профессии. Преподавание и наука для этой общности является объектом управления и для ее части дополнительной профессиональной деятельностью.*

ВЫВОДЫ. Поиск способа разрешения противоречия между состоянием ресурсного потенциала вузовских образовательных общностей и ограниченными условиями и возможностями их взаимодействия в университетском научном пространстве потребовал обратиться к комплексу разнородных теорий и концепций, раскрывающих с разных сторон и в разной степени их пространственно-временные характеристики, специфику их генезиса и функционирования и позволяющие выделять научно-образовательные общности в качестве самостоятельных социальных акторов и изучать их содержательные характеристики. Центральное место в этом комплексе занимает теория социальной общности. Теории социальной мобильности, структурного функционализма, капитала, знания, ряд других теорий и концепций, подвергнутых анализу, дали возможность сформулировать комплекс определений, образующих каркас исследования основных образовательных общностей вузов с позиции их включенности в научно-образовательную деятельность.

Вместе с тем, разрозненность вузовских образовательных общностей в сфере научной деятельности требует их изучения с позиций их действия и взаимодействия, которое скажется на создании целостного университетского научного поля на уровне макрорегиона. Успешность формирования такого поля будет зависеть от создания условий, в которых вузовские образовательные общности смогут взаимодействовать сообща, а не в условиях противоречий и конфликтов. Реализация такого исследования представляется самостоятельной научной задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Р.Н. Менеджериализм и академическая профессия. Конфликт и взаимодействие // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 37-47.
2. Алавердов А.Р., Громова Н.В. Научно-педагогические работники и административно-управленческий персонал: конфликт интересов или конструктивное взаимодействие? // Высшее образование в России. 2017. № 3. С. 5-16.
3. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Управление университетами в оценках образовательных общностей // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 3 (21). С. 100-111.
4. Амбарова П.А., Шаброва Н.В., Кеммет Е.В., Михайлова А.Н. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 7. С. 96-116.
5. Бурдьё П. Формы капитала // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital> (дата обращения 12.02.24).
6. Волосникова Л.М. О принципе академической автономии // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 5. С. 44-49.
7. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Акад. проект, 2003. 525 с.
8. Демин М.В., Шушарина Н.Н. Модель повышения эффективности деятельности административно-управленческого персонала федерального университета // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 11. С. 9-20.

9. Ермолаева С.Г. Университетские менеджеры как вузовская общность // XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л.Н. Когана и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2023 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2023. С. 237–242.
10. Зборовский Г.Е. Избранное: 1972–2022. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2023. 749 с.
11. Зборовский Г.Е. Образовательные общности и противоречия их темпоральных характеристик // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. № 2(41). С. 25–34.
12. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 5. С. 147–180.
13. Зборовский Г.Е. Научно-образовательное знание как знаниевая основа нелинейной модели высшего образования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 19–31.
14. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культура в жизни молодёжи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4 (27). С. 170–191.
15. Кораблева Г.Б. Социология профессий. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 176 с.
16. Курбатова М.В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // Мир России. 2016. № 4. С. 59–82.
17. Луков Вал. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М.: «Ка-нон+»; ЗООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.
18. Луман Н. Общество общества. В 2-х т. Т. 1. Кн. 1.: Общество как социальная система. Кн. 2: Медиа коммуникации. Кн. 3: Эволюция. М.: Логос, 2011. 640 с.
19. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / под ред. Е.Л. Омельченко. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 504 с.
20. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и взаимоотношения // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 494–525.
21. Резник С.Д., Чемезов И.С. Менеджеры университета: теория, практика и эффективность организации личной работы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2021. 306 с.
22. Розовски Г. Университет. Руководство для владельца. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 328 с.
23. Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Представления студенческой молодёжи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 1. С. 44–69.
24. Сорокин П.А. Социальная мобильность / [пер. с англ. М.В. Соколовой]. М.: Academia: LVS, 2005. 608 с.
25. Теннис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / [пер. с нем. Д.В. Складнева]. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.
26. Управление высшим учебным заведением / Под ред. С.Д. Резника, В.М. Филиппова. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2010. 768 с.
27. Учащаяся молодежь: от образовательной неуспешности к образовательной успешности / Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова, Б.Ю. Берзин [и др.]; под общ. ред. Г.Е. Зборовского. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2021. 328 с.
28. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов, Н.В. Латова [и др.]; отв. ред. Н.Е. Тихонова, Ю.В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 488 с.
29. Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. 1998. № 3. С. 93–105.
30. Шаброва Н.В., Амбарова П.А. Публикационная активность студентов российских вузов // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 9. С. 171–196.
31. Штомпка П. Социология социальных изменений / [пер. с англ. под ред. В.А. Ядова]. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
32. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. Общ. ред. и послесл. акад. А.М. Румянцева. М.: Прогресс, 1969. 237 с.

REFERENCES

1. Abramov R.N. *Menedzherializm i akademicheskaya professiya. Konflikt i vzaimodeystviye* [Managerialism and the academic profession. Conflict and interaction] // Sociological Studies. 2011. № . 7. S. 37–47. (In Russian).
2. Alaverdov A.R., Gromova N.V. *Nauchno-pedagogicheskiye rabotniki i administrativno-upravlencheskiy personal: konflikt interesov ili konstruktivnoye vzaimodeystviye?* [Scientific and Pedagogical Workers and Administrative Staff: Conflict of Interest or Constructive Interaction]. // Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2017. № . 3 (210). S. 5–16. (In Russian).
3. Ambarova P.A., Zborovsky G.E. *Upravleniye universitetami v otsenkakh obrazovatel'nykh obshchnostey* [Management of universities in the assessments of educational groups] // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz [University management: practice and analysis]. 2017. № 3 (21). S. 100–111. (In Russian).
4. Ambarova P.A., Shabrova N.V., Kemmet E.V., Mikhailova A.N. *Nauchno-issledovatel'skaya kul'tura studentov rossiyskikh universitetov* [Research Culture of Russian University Students] // Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2023. Vol. 32. № 7. S. 96–116. (In Russian).
5. Bourdieu P. *Formy kapitala* [Forms of capital] // Sotsiologicheskoye prostranstvo P'yera Burd'ye. [Sociological space of Pierre Bourdieu]. URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital> (data obrashcheniya 12.02.24). (In Russian).
6. Volosnikova L.M. *O printsipe akademicheskoy avtonomii* [On the principle of academic autonomy] // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz [University management: practice and analysis]. 2005. № 5. S. 44–49. (In Russian).
7. Giddens E. *Ustroyeniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii*. [The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration]. M.: Academic Project, 2003. 525 s. (In Russian).
8. Demin M.V., Shusharina N.N. *Model' povysheniya effektivnosti deyatel'nosti administrativno-upravlencheskogo personala federal'nogo universiteta* [Efficiency Improvement Model for Administrative and Management Personnel of the Federal University] // Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher Education in Russia. 2020. T. 29. № 11. S. 9–20. (In Russian).
9. Ermolaeva S.G. *Universitetskiye menedzhery kak vuzovskaya obshchnost'* [University managers as a university community] // XXIII Ural'skiye sotsiologicheskiye chteniya. Lichnost', kul'tura, obshchestvo: naslediyе L.N. Kogana i sovremennost' XXIII Ural Sociological Readings. Personality, culture, society: the legacy of L.N. Kogan and modernity: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Ekaterinburg, March 17–18, 2023). Ekaterinburg: Ural Publishing House. Univ., 2023. pp. 237–242. (In Russian).
10. Zborovsky G.E. *Izbrannoye: 1972–2022*. [Selected: 1972–2022]. Ekaterinburg: Humanitarian University, 2023. 749 s. (In Russian).
11. Zborovsky G.E. *Obrazovatel'nyye obshchnosti i protivorechiya ikh temporal'nykh kharakteristik* [Educational communities and contradictions of their temporal characteristics] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 2(41). S. 25–34. (In Russian).
12. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. *Nauchno-pedagogicheskiye rabotniki kak sotsial'naya obshchnost' v menyayushchikhsya usloviyakh akademicheskogo razvitiya* [Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development] // Obrazovaniye i nauka [The Education and Science Journal]. 2022. T. 24, № 5. S. 147–180. (In Russian).
13. Zborovsky G.E. *Nauchno-obrazovatel'noye znaniye kak znaniyevaya osnova nelineynoy modeli vysshego obrazovaniya* [Scientific and educational knowledge as the knowledge basis of a nonlinear model of higher education] // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskkiye nauki. 2016. № 4. S. 19–31. (In Russian).
14. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Kul'tura v zhizni molodozhi: potrebnost', interes, tsennost'* [Culture in the life of young people: need, interest, value] // Bulletin of the Institute of Sociology (Vestnik Instituta sotsiologii). 2018. T. 9. № 4 (27). S. 170–191. (In Russian).
15. Korableva G.B. *Sotsiologiya professiy* [Sociology of professions]. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2012. 176 s. (In Russian).

16. Kurbatova M.V. *Reforma vysshego obrazovaniya kak institutsional'nyy proyekt rossiyskoy byurokratii: soderzhaniye i posledstviya* [Reform of higher education as an institutional project of the Russian bureaucracy: content and consequences] // Mir Rossii [World of Russia]. 2016. № 4. S. 59–82. (In Russian).
17. Lukov Val. A. *Teorii molodezhi: mezhdistsiplinarnyy analiz* [Theories of youth: interdisciplinary analysis]. M.: «Kanon+»; ZOOI «Reabilitatsiya», 2012. 528 s. (In Russian).
18. Luman N. *Obshchestvo obshchestva* [Society of Society]. In 2 volumes. Vol. 1. Book. 1. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema [Society as a social system]. Book 2: Media kommunikatsii [Media communications]. Book 3: Evolyutsiya [Evolution.]. M.: Logos, 2011. 640 s. (In Russian).
19. Omelchenko E.L. (ed.). *Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti* [Youth in the city: culture, scenes and solidarity]. M.: National Research University Higher School of Economics, 2020. 504 p. (In Russian).
20. Parsons T. *Ponyatiye obshchestva: komponenty i vzaimootnosheniya* [The concept of society: components and relationships] // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty [American sociological thought: texts] / Dobrenkov V.I. (ed). M.: Publishing house of the International University of Business and Management, 1996. S. 494–525. (In Russian).
21. Reznik S.D., Chemezov I.S. *Menedzhery universiteta: teoriya, praktika i effektivnost' organizatsii lichnoy raboty* [University managers: theory, practice and effectiveness of organizing personal work]. 2nd ed., revised. and additional. M.: INFRA-M, 2021. 306 s. (In Russian).
22. Rozovsky G. *Universitet. Rukovodstvo dlya vladel'tsa* [University. Owner's Guide]. M.: National Research University Higher School of Economics, 2015. 328 s. (In Russian).
23. Seliverstova N.A., Zubok Yu.A. *Predstavleniya studencheskoy molodozhi o smyslakh obrazovaniya: sotsiokul'turnyye osobennosti samoregulyatsii* [Students' ideas about the meaning of education: sociocultural features of self-regulation] // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological science and social practice]. 2023. T. 11. № . 1. S. 44–69. (In Russian).
24. Sorokin P.A. *Sotsial'naya mobil'nost'* [Social mobility] Trans. from English M.V. Sokolov. M.: Academia: LVS, 2005. 608 s. (In Russian).
25. Tennis F. *Obshchnost' i obshchestvo: osnovnyye ponyatiya chistoy sotsiologii* [Community and society: basic concepts of pure sociology]. Trans. from German by D.V. Sklyadneva. M.: University Foundation; St. Petersburg: Vladimir Dal, 2002. 451 s. (In Russian).
26. Reznik S.D., Filippov V.M. (ed.). *Upravleniye vysshim uchebnym zavedeniyem* [Management of a higher educational institution]. 2nd ed. M.: INFRA-M, 2010. 768 s. (In Russian).
27. Zborovsky G.E., Ambarova P.A., Berzin B.Yu. and others, Zborovsky G.E. (general ed.). *Uchashchayasya molodezh': ot obrazovatel'noy neuspeshnosti k obrazovatel'noy uspeshnosti* [Young students: from educational failure to educational success]. Ekaterinburg: Humanitarian University, 2021. 328 s. (In Russian).
28. Tikhonova N.E., Latov Yu.V., Latova N.V. and etc.; Tikhonova N.E. and Latov Yu.V. (resp. ed.). *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh professionalov: sostoyaniye, dinamika, faktory* [Human capital of Russian professionals: status, dynamics, factors]. M.: FNISC RAS, 2023. 488 s. (In Russian).
29. Chuprov V.I. *Molodezh' v obshchestvennom vosproizvodstve* [Youth in social reproduction] // Sociological studies. 1998. № . 3. S. 93–105. (In Russian).
30. Shabrova N.V., Ambarova P.A. *Publikatsionnaya aktivnost' studentov rossiyskikh vuzov* [Publication activity of students of Russian universities] // Obrazovaniye i nauka [The Education and Science Journal]. 2023. T. 25, No. 9. S. 171–196. (In Russian).
31. Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [Sociology of social changes]. Trans. from English edited by V.A. Yadov. M.: Aspect Press, 1996. 416 s. (In Russian).
32. Shchepansky J. *Elementarnyye ponyatiya sotsiologii* [Elementary concepts of sociology]. Gen. ed. and afterword by Academician A.M. Rumyantsev. M.: Progress, 1969. 237 s. (In Russian).